

Стол был накрыт на восемь персон, но сидело за ним лишь семеро, и место рядом с Сун Гуйчэном пустовало.

Остальные принялись уплетать еду, а он, снедаемый подозрениями, осторожно положил в свою миску лишь кусочек белого тофу.

— Малыш Сун, что же ты? Почему не ешь? — участливо спросил староста и, не дожидаясь ответа, потянулся положить ему еды.

Сун Гуйчэн прикрыл миску рукой и отодвинулся:

— Простите, староста, у меня эти два дня живот расстроен, не могу есть ничего жирного. Вы ешьте, ешьте, не обращайтесь на меня внимания.

— Эх, парень, — старик по фамилии Фань, с которым он недавно играл в маджонг, причмокнул губами. — В маджонг не играешь, мясо не ешь, что с тобой такое?

Остальные шестеро отложили палочки и дружно уставились на него. В дрожащем пламени свечей их лица казались одинаково застывшими и мертвенно-бледными.

Лицо Сун Гуйчэна изменилось, он крепче сжал миску. Неужели его поведение слишком сильно отличается от того, как вел бы себя этот Игрок в обычной жизни, и они что-то заподозрили?

Атмосфера становилась все более гнетущей, и он уже готов был сдаться и уступить свою порцию, как вдруг открылась дверь.

Вошел Ли Цинтун, принеся последнее блюдо — свиные тефтели в красном соусе.

Внимание присутствующих тут же переключилось на них: в белой фарфоровой тарелке аппетитно поблескивало мясо, утопая в густом соусе и украшенное ярко-зелеными овощами. Аромат ударил в нос, пробуждая зверский аппетит.

Ли Цинтун сел рядом с Сун Гуйчэном, и теперь за столом собрались все восемь человек.

Взгляд Сун Гуйчэна против воли приковался к тефтелям, он сглотнул слюну, но заставил себя отвернуться и продолжил молча жевать свой пресный тофу.

Сун Гуйчэн подумал: если в сердце есть мясо, то и еда будет казаться мясной.

Да ну, чушь собачья!

Аромат дразнил его, проникая в самое нутро и искушая попробовать хотя бы кусочек. Но никто не знал, что это — божественное лакомство или смертельный яд.

Он поспешно отложил палочки, пробормотал: Я наелся, приятного аппетита, — и выскочил из комнаты.

— Ты уже закончил? — юноша, отвечавший за подрезание фитилей, перехватил его у выхода.

Сун Гуйчэн кивнул, и парень сунул ему в руки ножницы:

— Подрежь пока свечи, мне нужно в уборную, совсем прижало. Смотри, чтобы свечи не погасли, понял? Ни в коем случае. Если погаснут — немедленно зови людей!

Не дожидаясь ответа, он умчался прочь.

Ножницы еще хранили тепло рук предыдущего владельца. Сун Гуйчэн посмотрел на белые свечи, стоящие по бокам от портрета покойной. Они прогорели больше чем наполовину, подсвечники были залиты воском.

Когда свеча горит долго, фитиль удлиняется и начинает раздваиваться, поэтому его нужно укорачивать, чтобы свет оставался ярким. Процесс этот неспешный, и постоянно следить за ним не нужно.

Он присел рядом, пламя заплясало на его лице, мягко очерчивая профиль. Сун Гуйчэн заметил, что свечи горят медленно, но фитили очень быстро раздваиваются, и если не уследить, пламя может легко погаснуть.

Он осторожно подрезал лишний кончик, и свет стал ярче.

Бумажные деньги в жаровне почти догорели. Он подбросил еще, и, наклонившись, внезапно заметил на боку гроба какие-то странные рисунки. Свет был слишком тусклым, чтобы разглядеть детали. Он подобрался ближе, но вместо того, чтобы что-то увидеть, почувствовал резкий запах — смесь сырости и чего-то еще, от чего стало не по себе.

Это ощущение было крайне неприятным, и он решил, что осмотрит все при дневном свете.

Люди за столом сменились, парень, ушедший в уборную, так и не вернулся, поэтому Сун Гуйчэну пришлось остаться на посту. Вскоре ножницы в его руках нагрелись.

Сидеть напротив портрета покойницы было жутко и даже как-то неловко, поэтому он перебрался к тому месту, где впервые оказался в этом подземелье, и время от времени подходил подрезать свечи.

Закончив с левой свечой, он перешел к правой. В тот самый момент, когда он повернулся, откуда-то подул ледяной ветер, пронизывающий до костей. Сердце сжалось, он хотел защитить пламя, но свечи внезапно погасли.

Поминальный зал погрузился в полумрак.

Он же ничего не сделал!

Нет, постойте, он сделал все, что было нужно!!

Или нет, он же тщательно все проверил!!!

В чате трансляции посыпались сообщения:

- Ну всё, приехали, свечи погасли.
- Типичное подземелье с пятипроцентным шансом на прохождение.
- Была бы лавка артефактов, еще можно было бы что-то сделать.
- Откуда у новичка доступ к лавке?
- Вот именно.
- Конец, можно ложиться и приводить себя в порядок перед смертью.

Сун Гуйчэн стоял перед портретом, чувствуя, как по спине бежит холодок. В темноте что-то за ним наблюдало, раздался шорох бумаги, от которого волосы на затылке встали дыбом.

Если погаснут — немедленно зови людей! — всплыли в памяти слова того парня.

Звать людей? Кого?! Он в этом мире и дня не провел, никого здесь не знает! А староста — так тот вообще не человек.

Не будучи уверенным в успехе, он все же крикнул:

- Ли Цинтун, свечи погасли!

Чат взорвался:

- Смотрите, утопающий за соломинку хватается.
- Если Ли Цинтун ответит, я в прямом эфире буду есть лапшу ноздрями, стоя на голове!
- Жаль, такой красавчик был.

— Ничего, я уже сделал скриншот, будет новым шаблоном для пластической хирургии.

Зрители уже вынесли ему смертный приговор, а Сун Гуйчэн слышал, как шорох становится все громче и приближается. Он хотел бежать, но страх сковал тело, словно пригвоздив его к месту.

Нет, нельзя, нельзя здесь умирать!

Он прикусил язык, чтобы прийти в себя, и, дрожа, поднял ножницы, намереваясь ударить ими назад. Но чья-то теплая рука перехватила его запястье и мягко отвела удар.

Затем свечи вспыхнули.

Ли Цинтун, держа в руках спички, зажег фитили. Его суровый профиль осветился пламенем.

Сун Гуйчэн с трудом проговорил, чувствуя сухость в горле:

— Спасибо тебе.

Ли Цинтун холодно посмотрел на него и задул спичку:

— Я старше тебя.

Сун Гуйчэн опешил. Что значит я старше тебя? Но Ли Цинтун, не дожидаясь ответа, развернулся и ушел, оставив его одного.

Он обессиленно осел на пол, жадно хватая ртом воздух. Если бы свечи не зажглись, он, возможно, уже был бы мертв.

В чате трансляции сплошным потоком пошли сообщения с удивлением — никто не ожидал, что Ли Цинтун поможет игроку. Это был первый раз, когда он вмешался.

Сун Гуйчэн, придя в себя, проверил свечи и сел на маленький табурет у алтаря. Тот шорох в темноте был очень похож на звук бумаги, которую треплет ветер, но бумажные деньги в зале не могли производить столько шума. Оставались только... он перевел взгляд на двух бумажных человечков, стоящих у гроба. Они по-прежнему радостно и застывшие улыбались.

Он невольно сжал ножницы. Бумага боится не только огня, но и ножниц.

Он размышлял над словами Ли Цинтуна. Я старше тебя — значит, нельзя называть его просто по имени, иначе он будет игнорировать? Сун Гуйчэн усмехнулся: Ну и детский сад!

Впрочем, проверить эту теорию удалось довольно скоро.

Он подкладывал бумажные деньги в жаровню, наблюдая, как огонь пожирает желтоватые листы. Говорят, в ином мире современные деньги не принимают, нужны только бумажные подношения. Что ж, удачи в следующей жизни, подумал он.

В поле зрения появились черные туфли. Сун Гуйчэн поднял взгляд и увидел Ли Цинтуна, державшего подсвечник. Если забыть о том, в каком жутком месте они находятся, Ли Цинтун был настоящим красавцем с широкими плечами и узкой талией.

Он поспешно встал:

— Брат Ли, что-то случилось?

Ли Цинтун ответил:

— Пойдем, тебе пора отдыхать.

Значит, все-таки дело в обращении? Ну и зануда! — проворчал про себя Сун Гуйчэн.

Ли Цинтун, словно почувствовав что-то, бросил на него опасный взгляд. Сун Гуйчэн тут же прикусил язык и невинно захолопал глазами. Ему показалось, или в уголках губ Ли Цинтуна действительно мелькнула улыбка?

Они вернулись в комнату, где обедали. Стол был уже убран. Ли Цинтун поставил свечу на деревянный стол и указал на единственную кровать:

— Сегодня будешь спать здесь.

Он постучал по столу и добавил:

— Спи спокойно, свеча не погаснет.

Сказав это, он ушел, не дав Сун Гуйчэну возможности задать вопросы.

Комната погрузилась в тишину. Сун Гуйчэн обошел ее со свечой: кровать, стол, окно на восток — ничего особенного. В воздухе стоял запах плесени, было холодно и неудобно. На кровати лежали два одеяла — удивительно заботливо.

Он закрыл окно. Снаружи царил такая непроглядная тьма, словно небо и землю сшили вместе черными нитками.

Он снял верхнюю одежду, лег в кровать и уставился в потолок. Все здесь было пропитано зловещей тайной. Сможет ли он вернуться в свой мир после завершения задания?

Ой, нет!

Сун Гуйчэн в ужасе подскочил. Он же еще не сохранил черновик своей диссертации!

Он задумался, что страшнее — умереть здесь или переписывать диссертацию заново. Но усталость взяла свое, и он незаметно уснул.

Среди ночи его разбудил чавкающий звук, словно зверь пожирал добычу. Звук доносился совсем рядом, прямо из-за окна.

Сун Гуйчэн открыл глаза. Свеча на столе тускло горела. Снаружи все стихло.

Он перевел взгляд на окно. Даже не вставая с кровати, он увидел на бумаге окна тень: невысокая фигура с короткими толстыми руками. Существо сгорбилось, а затем резко дернулось.

Раздался хруст. Существо жевало что-то, похожее на человеческое ребро.

Желудок Сун Гуйчэна скрутило от тошноты. Кто был его жертвой?

В чате трансляции:

— Кто еще смотрит в такое время? Отзовитесь, мне страшно.

— Я, я!

— Страшно, но оторваться не могу.

— Это мое любимое подземелье.

— Смотри быстрее, после завершения оно сбросится, неизвестно, что будет в следующий раз.

Через некоторое время чавканье стихло. Сун Гуйчэн выдохнул, собираясь заснуть, но заметил, что тень не ушла, а повернулась в сторону окна. Голова существа поднялась чуть выше подоконника. Сун Гуйчэн чувствовал на себе злобный взгляд.

Свеча дрогнула, тень качнулась. Он не смел пошевелиться. К счастью, свеча не погасла, и монстр, наконец, исчез.

...

У Хао, наевшись мяса, чувствовал себя неловко — он не умел отказывать, да и те люди выглядели слишком пугающе. Но тефтели были невероятно вкусными.

В комнате было темно, он лежал, сглатывая слюну. Вдруг снаружи раздался странный шорох.

Звук медленно приближался к его окну. У Хао затаил дыхание, покрываясь холодным потом. Шорох остановился прямо у окна.

Прошло много времени. Он решил выглянуть, чтобы проверить, ушло ли нечто.

Открыв глаза, он увидел прямо перед собой бледное лицо с черными глазами, густыми бровями и застывшей радостной улыбкой. На нем был зеленый костюм.

— А-а-а! — вскрикнул он.

Но крик оборвался. У Хао почувствовал, как его тело сжимается, становясь плоским, как лист бумаги. Последним, что он увидел, были его собственные руки, превратившиеся в бумагу.

Зеленый кукольный ребенок, стоявший рядом, на глазах начал обрастать плотью, разрывая бумажную оболочку и превращаясь в живого человека.

В чате:

— Игрок У Хао исключен.

Под видео с его провалом появились комментарии:

— Говорили же, что кровать — это безопасная зона.

— Люди и призраки заключили соглашение, кровать трогать нельзя.

— Правда?

— Подтверждаю, правда.

— Я сам подписывал.

Сун Гуйчэн почти не спал, боясь, что свеча погаснет. К счастью, она продержалась до рассвета.

Когда небо посерело, он встал, задул свечу и открыл окно. Снаружи из кухонной трубы поднимался дым. Внизу, на влажной земле, он увидел маленькие следы, похожие на детские. Но в доме Ли детей не было.

Он вышел из комнаты и увидел того самого парня, который вчера уходил в уборную — он спал в кресле. Сун Гуйчэн положил ножницы на стол и заметил на руках парня странные коричневые пятна. Он невольно отступил.

Парень продолжал спать. Полный сомнений, Сун Гуйчэн вышел во двор, подошел к окну своей комнаты и понюхал землю. Запах гари и крови был настолько сильным, что он закашлялся.

Сзади слышались шаги. Это был Ли Цинтун с корзиной кукурузы и миской маньтоу.

— Брат Ли, доброе утро.

Ли Цинтун ответил:

— Доброе.

Завтракали они в той же комнате. Еда была нормальной: кукуруза, паровые булочки, рисовая каша. Сун Гуйчэн, проголодавшись, съел все с аппетитом.

Днем поминальный зал выглядел менее зловещим. Он взял нож и очистил подсвечники от старого воска. Когда он закончил, то поднял взгляд на портрет девушки и ему показалось, что ее лицо на мгновение исказилось в улыбке.

<http://bllate.org/book/20722/2073786>